

Хорошо, что он успел определить местоположение во время их недавней переписки, иначе он не знал бы, хватит ли ему мужества позвонить своему Омеге.

Перед ним предстала картина, напоминавшая самые унылые кадры из кино: стены из красного кирпича, заляпанные цементом, развешанные на ветру разноцветные простыни, коридоры, заполненные мухами и мусором. Их гул казался жужжанием вирусов, забытых в мире людей.

И его Омега, тот, кого он когда-то пометил, жил в таком месте! В сердце Бо Вэньгуаня что-то болезненно кольнуло. Меланхолия и растерянность нахлынули следом, словно рой насекомых, они вились вокруг, терзали воздух, делая это грязное пространство еще теснее и душнее.

Он пытался отогнать эти невольные чувства, но безуспешно: стоило им появиться, как они тут же пускали корни и начинали прорастать.

На лазурной двери красовались рекламные листовки всех цветов и размеров. Казалось, темный коридор полон измученных душ — здесь было тело его маленького Омеги, и здесь же томилась его душа.

Трудно было вообразить, как человек, выглядевший столь мягким и утонченным, коротал свое одинокое время в дни их разлуки. Для кого-то другого это жилье могло быть просто крышей над головой, местом, готовым принять любую беду, но для Бо Вэньгуаня оно прозвучало как тревожный набат.

Этот набат разбудил его. Он должен забрать его отсюда, отвезти туда, где цветут цветы и сияет солнце, где кипит жизнь и мерцают звезды. Он ни за что не позволит своему Омеге в одиночестве, с огромным животом, прозябать в этом забытом богом уголке города.

Он уже поднял руку, чтобы постучать, как дверь внезапно открылась. В этот миг Бо Вэньгуань почувствовал, как некий орган в его груди сначала дрогнул, а затем забился в неистовом ритме.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Тот, о ком он грезил день и ночь, стоял прямо перед ним. На нем была светло-голубая пижама, мягкие волосы казались нежными на ощупь, а маленькие беспокойные руки безвольно опущены по бокам. Омега смотрел на него влажными, полными смятения глазами — в этом взгляде читались привязанность, невинность и тоска.

Бо Вэньгуань, глядя на это хрупкое создание, первым делом захотел раздавить его в своих объятиях, чтобы никто больше не смел смотреть на него с вожделением или любопытством.

Он так и сделал. Он крепко прижал к себе это мягкое существо, от которого пахло чаем сорта Дарджилинг. Его душа обрела покой, его жизнь — пристанище. Неважно, было ли это влечение феромонов или что-то иное, в этот момент он знал лишь одно: он хочет обладать им, хочет владеть им без остатка, пока не разрушится сама вселенная.

Из-за того, что Омега был таким худеньким, Бо Вэньгуань мог полностью заключить его в свои объятия, позволив ему положить голову на свое плечо, чувствуя, как его дыхание касается уха, а сердца бьются в такт.

— Прости, это моя вина. Мне следовало догадаться раньше, тогда бы тебе не пришлось через это проходить, — глухо прошептал он, выдыхая слова прямо в кончик уха Омеги. Если бы это было возможно, он бы впитал его в свою плоть и кровь, по крупицам, растворил бы в себе.

— Ничего страшного. Я просто не хотел, чтобы его появление стало для нас обузой, не хотел создавать тебе проблем, — голос Омеги был тихим, словно перышко, щекочущее шею.

Бо Вэньгуань почувствовал тепло на своей коже. Наверное, именно это и называют блаженством — держать в руках такое нежное сокровище.

— Слушайся меня, малыш. Сначала мы поедem в больницу, а потом решим, как быть дальше, — Бо Вэньгуань погладил его по спине. Она была такой тонкой, что он отчетливо чувствовал каждый позвонок.

Это ощущение напомнило ему о тех семи днях безудержной близости...

Кровь прилила к голове, дыхание стало обжигающим. Ему пришлось подавить свои порывы и отстраниться:

— Одевайся, мы едем в больницу.

Он посмотрел в затуманенные глаза Омеги:

— Я буду хорошо о тебе заботиться, это мое обещание. Тебе не о чем беспокоиться.

Его взгляд скользнул в сторону и упал на рубашку, лежавшую на подушке маленькой односпальной кровати. Бо Вэньгуань не удержался от подколки:

— Так сильно скучал по мне, что даже спал с моей рубашкой под головой?

Слова были шутливыми, но на душе стало тепло, словно наступила весна.

Янь Сюй смутился, опустил голову и начал теревить пальцы:

— Да... очень скучал, господин.

Раньше он называл его господином из вежливости, да и сотрудники Бо Вэньгуаня обращались

к нему так же, но теперь в этом обращении сквозило нечто двусмысленное, рождающее самые смелые мысли.

К тому же его Омега обладал редкой прямоотой — он так открыто выставлял свою привязанность напоказ, так честно признавался в своих чувствах. Бо Вэньгуань подумал, что он просто сорвал джекпот, встретив такое сокровище.

<http://bllate.org/book/21485/2198915>